

УДК 342.7

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-788-800

Актуальные проблемы конституционно-правового закрепления и реализации соматических прав в Российской Федерации

Масуфранова Е.А., Кораблёва А.А.

Юго-Западный государственный университет,

Россия, 305040, г. Курск, 50 лет Октября, 94

E-mail: a25021985@yandex.ru, k.vaylengil@gmail.com

Аннотация. В современных условиях развития российского общества исследование реализации соматических прав и их правового закрепления представляет особую значимость в силу того, что практически отсутствует их нормативное регулирование и эффективный механизм закрепления в федеральном законодательстве. Данная проблема влечет за собой стихийность и бесконтрольность возникновения правоотношений, основанных на данной категории прав, приводящих к несоответствию права современным требованиям общества. При этом соматическое право является весьма спорной и недостаточно исследованной категорией, в связи с чем целью данного исследования является выявление основных проблемных аспектов законодательного закрепления и реализации некоторых наиболее распространенных соматических прав в Российской Федерации. В процессе комплексного анализа категории соматических прав выявлены: необходимость формулирования легальной дефиниции соматических (личностных) прав в целях предотвращения отождествления их с личными правами человека и гражданина; важность диалога с пациентами и медицинскими работниками по поводу их отношения к легализации эвтаназии, разработке закона «Об эвтаназии»; налаживание связи между государственными, муниципальными органами, их должностными лицами с населением (особенно подростками) с целью получения ими грамотной информации о половом воспитании; необходимость улучшения благосостояния общества для минимизации числа аборт; были установлены причины их возникновения и предложены варианты преодоления связанных с ними правовых пробелов.

Ключевые слова: конституция, права и свободы человека и гражданина, личные права, соматические права, эвтаназия, дискриминация, механизм реализации прав

Для цитирования: Масуфранова Е.А., Кораблёва А.А. 2022. Актуальные проблемы конституционно-правового закрепления и реализации соматических прав в Российской Федерации. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 47(4): 788–800. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-788-800

Current Problems of Constitutional and Legal Strengthening and Realization of Somatic Rights in the Russian Federation

Elena A. Masufranova, Anastasia A. Korableva

Southwest State University,

94 50 Let Oktyabrya St, Kursk 305040, Russian Federation

E-mail: a25021985@yandex.ru, k.vaylengil@gmail.com

Abstract. In modern conditions of development of Russian society the study of realization of somatic rights and their legal consolidation is of particular importance due to the fact that there is practically no normative regulation and effective mechanism of their consolidation in the federal legislation. This problem entails spontaneity and uncontrolled emergence of legal relations based on this category of rights, leading to inconsistency of law with modern requirements of society. At the same time, somatic law is a very controversial and insufficiently researched category, in connection with which the purpose

of this study is to identify the main problematic aspects of the legislative consolidation and implementation of some of the most common somatic rights in the Russian Federation. In the process of a comprehensive analysis of the category of somatic rights we have identified: the need to formulate a legal definition of somatic (personal) rights in order to prevent their identification with personal human and civil rights; the importance of dialogue with patients and medical workers regarding their attitude to the legalization of euthanasia and the development of the law «On Euthanasia»; establishing «communication» between state and municipal bodies, their officials and the population (especially teenagers) to provide them with competent information about gender.

Keywords: Constitution, human and civil rights and freedoms, personal rights, somatic rights, euthanasia, discrimination, mechanism for realization of rights

For citation: Masufranova E.A., Korableva A.A. 2022. Current Problems of Constitutional and Legal Strengthening and Realization of Somatic Rights in the Russian Federation. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 788–800 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-788-800

Введение

Права и свободы человека и гражданина, система их гарантий, обеспечение и защита выступают важнейшими составляющими нормального функционирования общества и государства, так как позволяют людям быть уверенными в своем настоящем и будущем, ощущать стабильность. Правомочия, связанные с телом как объектом четвертого поколения прав человека, с каждым годом все более и более актуализируются. Закономерные изменения, происходящие в сознании и поведении современных людей как субъектов соматических правоотношений, неизбежно влекут потребность в законодательном закреплении новых для российского общества институтов, связанных с «телесными правами», и эффективном преобразовании, реформировании уже имеющихся.

В России термин «соматические права» был введен В.И. Круссом. Им же был определен наиболее развернутый перечень таких прав в исследовании «Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы», где указал, что в законодательстве России идет довольно сложный процесс их восприятия. Безусловно, теория соматических прав, до сих пор вызывает резонанс в юридическом сообществе.

Отсутствие нормативного регулирования соматических прав и их детального, продуманного закрепления в федеральном законодательстве влечет стихийность, бесконтрольность возникновения сосредоточенных на них правоотношений и приводит к явному несоответствию права современным требованиям общества, возникновению в нем пробелов и многочисленным юридическим проблемам по причине непонимания, как действовать при реализации людьми тех или иных соматических прав. Саморегуляция же, как показывает практика, не позволяет в должной мере защитить права и законные интересы граждан при возникновении отношений по поводу реализации соматических прав.

Целью работы является выявление основных проблемных аспектов законодательного закрепления и реализации некоторых наиболее распространенных соматических прав в Российской Федерации, а также формулирование предложений по устранению правовых пробелов в сфере защиты соматических прав человека. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

- раскрыть понятие соматических прав, выделить их объект и отличительные особенности;
- выделить и проанализировать некоторые виды соматических прав, урегулирование которых ставится как крайне актуальный вопрос в Российской Федерации;
- сформулировать и обосновать пути решения проблем законодательного закрепления и реализации соматических прав в России.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с юридическим регулированием личностных прав человека и гражданина.

Предметом данного исследования являются нормы международного и федерального права, которые регулируют общественные отношения по поводу соматических прав, а также историко-правовые и теоретико-правовые проблемы реализации соматических прав в Российской Федерации.

При написании работы использовались методы анализа, индукции, дедукции, классификации, системного подхода, сравнительно-правовой метод, исторический и статистический.

Соматические права в Российской Федерации

Принятая 12 декабря 1993 года Конституция РФ коренным образом изменила большинство аспектов жизни российского общества и государства в целом. Одним из наиболее важных направлений этих изменений стало формирование новой модели отношений человека и государства, отказ от классово-идеологического подхода к правовому статусу личности, приоритета государственных интересов над частными, а также безоговорочное признание естественных прав человека неотчуждаемыми – теми, которые принадлежат ему от рождения, независимо от состояния гражданства.

Так, статья 2 Конституции РФ закрепляет, что человек, его права и свободы объявляются высшей ценностью, а уже во второй главе основные права и свободы человека и гражданина непосредственно конкретизируются и раскрываются: от личных до культурных. Законодатель не просто так отводит им столь высокое место в структуре Конституции России: он дополнительно подчёркивает их важность, особенность и приоритет государства в их обеспечении и защите. Это – одна из основных функций правового демократического государства, которым была провозглашена Россия после судьбоносного 1991 года – года распада СССР.

Концепции прав человека имеют свойство видоизменяться, нередко стихийно, совместно с установлением господства тех или иных политико-правовых идей, движений, ведь право по своей сути имеет свойство со временем подстраиваться под требования современного ему человека, чтобы отвечать настоящему моменту и успешно регулировать возникающие в нём правоотношения. «Этот продолжительный и сложный процесс можно охарактеризовать как борьбу людей и их сообществ за право признания естественных прав и обретение новых прав человека», – писали А.Н. Олейник и Н.Н. Олейник в «Историческом развитии поколений «прав человека». Вполне естественно, что за этот немалый срок – почти три десятилетия – такая подвижная категория, как права человека, не оставалась на месте: она подвергалась «обработке» на социально-культурном, морально-этическом, политическом и юридическом уровнях, переосмысливалась и обростала новыми началами – не всегда приглядными или способными прижиться на территории постсоветского пространства и в частности в России [Олейник А.Н., Олейник Н.Н., 2015, с. 120].

Появление каждого нового поколения прав, естественно, напрямую связывается с изменениями, происходящими с мировоззрением, взглядами и отношением общества или большей его части к тем или иным явлениям, событиям общественной жизни. Кроме того, немалое влияние оказывает такой фактор, как открытия, совершаемые в научной сфере, и развитие биомедицинских, кибернетических технологий, генной инженерии, которые оперативно внедряются в жизнь людей. Это, в свою очередь, влечет своеобразный конфликт науки, морали и закона, который должен своевременно и эффективно регулировать новые правоотношения [Порывакина, 2021].

Соматические права принадлежат к так называемому четвертому поколению прав человека. Впервые в юридическую литературу данный термин был введен В.И. Круссом.

В своей работе «Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы» он предварительно обозначил круг тех прав, которые в современное время можно причислить к соматическим. Среди них он назвал: право на смерть; право на аборт; право на изменение пола; право на гомосексуальные контакты; право на стерилизацию; право на виртуальное моделирование в контексте полного «копирования», «создания» себя в нематериальной, виртуальной форме посредством предназначенных для этого программ и фактического «переноса» жизни в пространство сети Интернет, а также ряд других прав [Крусс, 2000].

Именно научно-технический прогресс проложил путь для возникновения новых общественных отношений – в особенности это коснулось взаимоотношений людей друг с другом, места и правового положения личности в обществе и государстве. Благодаря современному уровню технологий люди получили возможность свободно распоряжаться и своим телом (бариатрические, пластические операции, контурная пластика частей тела, смена пола и т.д.), и своей жизнью вплоть до добровольного отказа от неё (посредством эвтаназии). Важное место здесь занимают и репродуктивные технологии, с помощью которых, например, женщины, страдающие от бесплодия, могут быть оплодотворены искусственно (экстракорпоральное оплодотворение). Одновременно, перешагнув четверть века, учёные всё с большим энтузиазмом говорят о предпосылках достижений в области клонирования человека [Бабаджанов, Сальников, 2016].

Давая определение категории соматических прав (от греч. *soma* – тело), В.И. Крусс писал: «...Можно выделить особую группу таких, которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами» [Крусс, 2000, с. 43]. Уже О.Э. Старовойтова в своих исследованиях говорила о том, что не следует причислять соматические права исключительно к веянию новейшего времени: часть из них была известна со времён Древней Греции и Древнего Рима. В то же время нельзя не признать, что другие из них стали активно актуализироваться примерно с 90-х годов двадцатого столетия, закрепились в начале XXI века и нередко вызывают спорное отношение к ним современного человека [Волынец, 2018].

Обращаясь к правовой доктрине, можно сделать вывод о том, что в основном под соматическими правами в узком смысле принято понимать возможность определённого поведения индивида, которая признаётся за ним обществом и государством и выражается в свободном распоряжении собственным телом согласно его желанию и выбору.

На современном этапе развития Российской Федерации не сложилось оптимизированного, эффективного механизма реализации и защиты соматических прав. Стоит сказать, что далеко не все из них нашли отражение в российском законодательстве, а некоторые из них были сформулированы в негативной форме (например, запрет эвтаназии прописан в ст. 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Среди основных проблем реализации соматических прав считаем нужным выделить следующие:

- низкий уровень взаимодействия с мировым сообществом по поводу опыта закрепления соматических прав на законодательном уровне;
- отсутствие механизма и реализации восстановления и защиты нарушенных прав в связи с нерешённым вопросом юридического закрепления;
- отсутствие системы гарантий;
- высокое внимание к оценке со стороны общества (высокий уровень общественного порицания за некоторые виды реализации соматических прав);

– фактическое существование в обществе, несмотря на отсутствие юридического, официального аспекта, порождает ещё большую стихийность их формирования, развития и модернизации.

В связи с этим крайне важно уделить особое внимание формулированию понятия, отличительных особенностей и характеристик соматических прав не только в правовой доктрине, но и на законодательном уровне.

Современные подходы к пониманию категории «соматические права»

В развитии репродуктивных прав как составляющей личностных весомую роль сыграло становление лоббизма в США. В частности, в XIX в. организовывались движения профессиональных врачей, отстаивающих лицензионную профессиональную медицину как единственную, способную наиболее безопасно и эффективно оказывать услуги, в том числе связанные с абортами. Сторонники абортов, являвшиеся непрофессиональными врачами, именовались ими худшим риском для здоровья и жизни, веянием безнравственного и аморального [Познер, 2004]. Ничего удивительного: женщины, забеременевшие в результате насильственных действий или непреднамеренно в результате добровольного полового контакта, предпочитали обращаться к самоучкам, к «домашним» знахарям и прочим лицам, обладающим сомнительными профессиональными навыками и в основном лишенным всякого образования в этой сфере. Страх перед общественным мнением, перед ответственностью, с которой им бы наверняка предстояло столкнуться, вынуждал их прибегать к абсолютно небезопасным способам прерывания беременности.

В России легализация абортов произошла после революции – в 1920 году, после издания Постановления Наркомздрава и Наркомюста. За женщинами официально признавалось право на искусственное прерывание беременности. Впрочем, в 1936 году на аборты был наложен запрет [Романовский, 2003].

Исходя из сказанного, можно утверждать, что категория личностных прав в российской системе права не является новой. Так или иначе на разных исторических этапах наиболее значимые из них нормативно формулировались и регулировались с преобладанием метода запретов.

Как было сказано ранее, В.И. Крусс первым предложил использовать термин «соматические (личностные) права» в отношении четвертого поколения прав человека и дал им довольно развернутое определение [Крусс, 2000]. С критикой его теории в 2005 году выступил М.А. Лаврик, предложивший отказаться от использования дефиниции «личностные», исходя из мнения о визуально-вербальной схожести их с «личными» и о возможной путанице, к которой это может привести. Он утверждал, что в настоящий момент тяжело судить о том, относится ли тело человека к сугубо личностным его характеристикам [Лаврик, 2005]. Одновременно именно ему принадлежит выделение наиболее полной, детальной классификации соматических прав и раскрытие их сущности.

Рассмотрим эту классификацию:

1) право человека на смерть (в доктрине оно раскрывается следующим образом: право на смерть есть возможность человека самостоятельно, добровольно, свободно и в определенный им момент времени уйти из жизни (умертвить себя) выбранным им способом) [Зоиров, Щендригин, 2013, с. 158];

2) права человека, связанные с его сексуальностью, или сексуальные права (в контексте соматических прав – возможность получать сексуальное образование, решение об активной сексуальной позиции или асексуальности, каминг-аут, проблема легализации проституции, регулирование актуального вопроса по поводу сексуальных меньшинств, выбор партнёра и т.д.);

3) право на смену пола;

4) репродуктивные права, среди которых ученый выделяет репродуктивные права позитивного (ЭКО – искусственное оплодотворение) и негативного характеров (стерилизация, аборт);

5) права человека, связанные с его органами и тканями (донорство органов и тканей живого человека, донорство органов и тканей трупа и право на изъятие их у него, моральная составляющая);

6) право на употребление наркотиков и психотропных веществ;

7) право на клонирование [Девятовская, 2018].

К этой классификации Е.М. Нестерова добавляет право на генетические и косметологические модификации тела человека, говоря о том, что в XXI веке многие люди активно прибегают к реставрации своих тел с помощью пластической хирургии [Нестерова, 2014]. В своих исследованиях она же обозначила ряд признаков, которые свойственны этой категории прав: специфика объекта; наличие возможности их осуществления при помощи технологического прогресса (в области биологии, химии, генетики, медицины и т.д.); нередко отрицательное отношение к ним со стороны религии, морали. Нельзя не сказать, что в науке до сих пор не сложилось единое отношение к феномену соматических прав.

А.И. Ковлер причислил соматические права к одной из разновидностей личных прав. В качестве аргумента им приводилось, что к личным правам относят право на жизнь как важнейшее и естественное для человека, право на свободу и личную неприкосновенность, которые выступают фундаментом для личностных прав и без которых эта категория не мыслится [Ковлер, 2002]. Однако несмотря на то, что его точка зрения имеет место, считаем ее весьма спорной, потому что объем соматических прав выходит за исключительные пределы права на жизнь. В него однозначно не вписывается донорство органов и тканей после смерти. Нельзя с уверенностью включить в него и право на клонирование или виртуальное моделирование.

По мнению В.И. Крусса, эта категория прав в силу своей специфики вряд ли найдёт место в традиционной классификации прав и свобод, свойственной для российского правообразования. Если не принимать во внимание достаточно частое формулирование личностных прав в негативной форме, все-таки по своей природе они позитивны, потому как состоят в определенных притязаниях личности к обществу и государству [Деркач, Луковская, 2019]. В этом наглядно проявляется их дуалистический характер – сочетание первого и второго поколения прав человека.

В противовес ему выступают научные обоснования некоторых ученых, ссылающихся на то, что стремительный научный прогресс задает свои правила и тем самым буквально навязывает государству необходимость скорейшего придания соматическим правам нормативного характера в целях недопущения ситуации их «живого» бесконтрольного для государства регулирования самим обществом. Несомненно, достижения в области медицинских технологий дали немало положительного: от шанса восстановить зрение посредством операций до получения возможности продолжать нормальную жизнь благодаря, например, донорству жизненно важных органов. Но стоит признать, что другие проявления прогресса повлекли неминуемое возникновение как юридических, так и морально-этических проблем, которые требуют решения [Ильченко, 2016].

Таким образом, мнения ученого сообщества на понимание соматических прав терпели изменения. Часть из них поддержали теорию В.И. Крусса, согласившись, что необходимо рассматривать соматические (личностные) права через призму философии и конституционного права. Другие, напротив, углубились в медицинскую составляющую. И всё же надо признать, что до сих пор конституционно-правовой концепции определения правовой природы личностных прав отводится ведущая позиция с уклоном в обоснование признания их на законодательном уровне и обозначение круга проблем их реализации в современной России.

Отдельные виды соматических прав и актуальные проблемы их реализации на территории Российской Федерации

Соматические права определяются особым объектом – телом человека и связанными с ним отношениями по поводу его изменения, модификации и т.п. Обратимся к некоторым из их видов.

В последние годы в России на правовой повестке всё чаще встает вопрос о запрете абортов. Ранее было отмечено, что тема искусственного прерывания беременности в ретроспективе достаточно подвижна. В Постановлении Наркома Здравоохранения РСФСР и Наркома юстиции РСФСР от 18 ноября 1920 года № 471 «Об охране здоровья женщин» указывалось, что в связи с ростом числа женщин, прибегающих к прерыванию беременности, и временным отказом от карательных мероприятий для женщин и врачей, решившихся на совершение этого деяния, в РСФСР разрешаются аборты, но исключительно в советских больницах и профессиональными врачами. Целью этого называлось стремление снизить смертность женщин (она составляла 4 %) и возникновение у них болезней (около 50 % женщин заболели) из-за неправильного проведения операций по искусственному прерыванию беременности в домашних условиях.

Впрочем, такая лояльность показала обратные результаты: в 1924 году только в Москве было зарегистрировано 14 тысяч абортов, а уже в 1927 году эта цифра перешагнула 46 тысяч. В 1929 году А. Генс писал: «...Приходится констатировать, что аборт в деревне стал бытовым явлением» [Генс, 1929]. В 1934 году по статистике на одно рождение стало приходиться три аборта [Урланис, 1963]. Женщины активно пользовались предоставленным им правом. Такие показатели не могли не насторожить руководство республик, и с 1930-х годов стали приниматься активные меры по снижению статистики: возник запрет на прерывание первой беременности, затем операции сделали платными и, как итог, 27 июня 1936 года Постановлением ЦИК и СНК СССР аборты были официально запрещены.

В современной России практика искусственного прерывания беременности вновь получила легальный окрас. В статье 56 Федерального Закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» право женщин на материнство формулируется позитивно: «Каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве». Женщины свободны в добровольном изъявлении желания прервать беременность, но при этом должен быть соблюден ряд обязательных условий: срок беременности до двенадцати недель – по желанию женщины при ее обращении в медицинскую организацию; срок беременности до двадцати двух недель – по социальным показателям; независимо от срока беременности – по медицинским показателям.

К социальным показателям, согласно Постановлению Правительства от 6 февраля 2012 года № 98, относят изнасилование как деяние, запрещенное УК РФ. Однако, в соответствии со статьей 20 УПК РФ, деяние, предусмотренное частью 1 статьи 131 УК РФ, является делом частного-публичного обвинения и возбуждается не иначе как по заявлению потерпевшей или ее представителя. Это порождает высокий уровень латентности данного преступления и дает противникам абортов лишний аргумент для борьбы за исключение социального показателя из законодательства. Широкий перечень медицинских показателей приведен в Приказе Минздравсоцразвития РФ от 03.12.2007 № 736 «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности».

Так, в августе 2022 года группа депутатов во главе с В. Милоновым выразила намерение вновь внести на осенней сессии проект закона о запрете абортов по полису обязательного медицинского страхования. В интервью В. Милонов заявил, что в рамках законопроекта поднят вопрос о выводе абортов из системы обязательного медицинского страхования по немедицинским показателям. «Хочу посмотреть, кто будет достаточно бессовестным, чтобы выступить против этого законопроекта», – поделился депутат, чем немед-

ленно привлек внимание общественности, и, что логично, – вызвал осуждение. С отрицательными оценками его слов выступили журналисты ряда крупных газет и информационных порталов (Lenta.ru, РБК, Коммерсантъ и др.).

Совершенно очевидно, что парламентарии целенаправленно игнорируют социальный показатель и не считают нужным заботу государства о жертвах изнасилований. Более того, из предложения следует, что ими не проводился анализ ни на краткосрочную, ни на долгосрочную перспективу, не анализировался исторический опыт, данные международных организаций. Так, по исследованиям ВОЗ, в мире 45 % беременностей прерываются небезопасно. Эта статистика прежде всего складывается из данных тех 25 государств, в которых официально запрещен аборт (Египет, Ирак и т.д.). В тех государствах, где наблюдается частичное разрешение аборт, все же не исключается так называемый «психический показатель» для женщин, ставших жертвами изнасилований и забеременевших в результате их совершения. Надо ли говорить о том, что с увеличением количества стран, отменяющих право женщин на прерывание беременности, возрастет и число обращений к непрофессионалам, оказывающих опасную услугу «на дому»? Соответственно, произойдет подъем женской смертности или, как альтернативный вариант, возрастет объем «отказников» – нежеланных детей, от которых будут отказываться и забота о которых по Конституции РФ будет возложена на государство. Мы считаем это логичным следствием и констатируем, что в современных условиях, учитывая менталитет, особенности общества, статистику преступлений против половой неприкосновенности и половительное отношение преобладающей части женского населения России к искусственному прерыванию беременности, вопрос о запрете аборт не может быть решен, так как это повлечет более опасные и экономически невыгодные последствия для государства.

К таким же острым проблемам современности надо отнести проблему смены пола. В большинстве государств эта разновидность соматических прав запрещена как противоречивая. По Международной классификации болезней транссексуализм принадлежит к расстройствам половой идентификации и признается болезнью. Согласно этому документу, под транссексуализмом понимается стремление жить и восприниматься обществом в качестве лица противоположного пола. Обычно это сопровождается критическим, дискомфортным восприятием своего тела, что приводит к возникновению желания путем хирургического вмешательства и курса гормональной терапии добиться соответствия предпочитаемому полу.

Борьба за права транссексуалов зародилась во второй половине XX века. «Равенство и отсутствие дискриминации» – под такими лозунгами выступали правозащитные организации и были успешны в своих стремлениях. Эти положения были закреплены во Всеобщей декларации прав человека, в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. В 2006 году приняты Джокьякартские принципы, ставшие базовыми для гендерной идентичности и сексуальной ориентации, в 2008 году в рамках ООН принята Декларация по вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности, которую подписали 66 государств. Россия и некоторые другие государства, такие как Китай, не присоединились к Декларации, так как, аргументировали послы, выделение особых групп, меньшинств в рамках действия прав и свобод человека противоречит их универсальности. Впрочем, это совсем не означало их непризнание.

В настоящий момент в России действуют клиники, проводящие операции по изменению пола. Приказом Минздрава от 23 октября 2017 года регулируется форма и порядок выдачи медицинской организацией документа об изменении пола, указывающего, что данный вид деятельности возможен исключительно по лицензии, которой предусмотрено выполнение работ (оказание услуг) по психиатрии и в результате установления факта половой переориентации лица. Половую переориентацию устанавливает врачебная комиссия, состоящая из врача-психиатра, врача-сексолога и медицинского психолога.

Главной особенностью реализации этого соматического права выступает крайне негативное отношение к нему российского общества, вплоть до проявления активной агрессии. Не только граждане, но и политики, и СМИ – лицо государства – допускают откровенно дискриминационные, нетактичные высказывания в отношении транссексуальных лиц, подчеркивают их «ненормальность» и «вред» для «нормальных» людей. Общество, преимущественно старшие поколения «х» и «у», отказываются проявлять терпимость к меньшинствам. По исследованиям Н.А. Калайтановой в 2017 году 110 тыс. мужчин сменили пол на женский и 240 тыс. женщин – на мужской [Романовский, 2003].

Проблем, касающихся юридического аспекта смены пола, не меньше, чем проблем, относимых к моральному.

Во-первых, необходимо разграничивать дефиниции «транссексуал» и «трансгендер». Транссексуалом можно считать лицо, которое решило изменить свой природный пол хирургическим или гормональным методом. Трансгендер – это человек, рожденный с одним полом, но ощущающий и осознающий свою принадлежность к противоположному полу, поведение и сознание которого соответствуют (или совпадают) с поведением и сознанием лиц противоположного пола, характеризующими их гендерную идентичность.

Во-вторых, существование Приказа Минздрава не ликвидирует правовые пробелы, относимые к смене пола. На законодательном уровне, подчеркивают М.А. Лаврик и Е.А. Отставнова, отсутствуют правила проведения операций, система гарантий, закрепление правового положения лиц после операций, а ведь это – серьезное упущение. Ни в Гражданском, ни в Семейном, ни в Трудовом кодексах, не говоря уже о Конституции, нет положений, которые могли бы урегулировать актуальные вопросы смены пола. Нет и какого-либо отдельного закона, что влечет незащищенность транссексуальных меньшинств, многочисленные вопросы работодателей, чьи работники сменили пол, и откровенное противоречие этого процесса принципам семейного законодательства. В связи с внесением поправок в Конституцию в 2020 году открытым остается вопрос о том, следует ли понимать брак с лицом, сменившим пол, как соответствующий конституционному определению, т. е. как союз мужчины и женщины.

Также в рамках исследования нельзя не коснуться права на смерть, которое в контексте работы будем рассматривать через легализацию эвтаназии как одной из сторон этого соматического права. Право на жизнь принадлежит к естественным правам человека и сформировалось достаточно давно. В конституционном праве Российской Федерации его причисляют к базовым личным правам человека, что вполне обоснованно. В то же время право на смерть как антипод относят к соматическим (личностным) правам, и этому есть довольно простое объяснение. Процесс рождения не контролируется самим человеком. Его не связывают воля или желание новорожденного – это происходит естественно, в силу природы и волеизъявления (или отсутствия такового) его родителей. В противоположность, человек на определенном этапе жизни уже способен полноценно распоряжаться собственным телом вплоть до определения момента и способа своей смерти, если он выразит такое желание.

В Российской Федерации действует Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в котором в статье 45 напрямую прописан запрет эвтаназии, а уже практика рассмотрения уголовных дел заключается, что человек, согласившийся помочь другому человеку осуществить эвтаназию, будет осужден по статье 105 УК РФ «Убийство». Отдельной ответственности уголовным законодательством не предусмотрено. Вместе с тем ученые не перестают дискутировать на тему легализации эвтаназии в Российской Федерации, но до сих пор попытки предложения законопроектов не нашли поддержки ни в обществе, ни среди парламентариев.

Прежде всего хочется обратить внимание на то, что главным образом обсуждается закрепление реализации эвтаназии по медицинским показателям. Сейчас складывается такая ситуация, что неизлечимо больной пациент, обладая правом умереть собственной

смертью, совершенно лишен права ускорить ее [Риффель, Рачин, 2018], тем самым избавившись от физических страданий и психической нагрузки. Хотя нравственность ставится под вопрос, все-таки нельзя не сослаться на первоочередную задачу, даже обязанность, медицинских работников – стремление спасти жизнь человека, а в случае объективной невозможности этого, облегчить его боль. Еще Ф. Бэкон относил облегчение страданий пациентов к обязанностям врачей. Эвтаназия обозначает легкую, безболезненную смерть, которая способна предотвратить длительные физические мучения и нравственные страдания больного человека и его семьи. Отсюда вытекают свойственные ей черты: добровольность; совершается врачом по просьбе пациента или самим пациентом под контролем и наблюдением врачей; перед принятием решения об эвтаназии должна быть дана по возможности наиболее объективная оценка состояния его здоровья. Таким образом почти исключается шанс на эвтаназию для лиц, которые имеют реальную и обоснованную надежду на выздоровление и возвращение к нормальной жизни. Для тех же пациентов, чьи дни проходят в мучительном ожидании смерти, в наблюдениях за переживаниями и нравственными страданиями близких им людей, эвтаназия превращается в гуманное спасение, которое способно дать облегчение и позволить умереть спокойно, без агонии.

Однако к решению этой проблемы, как и к другим соматическим правам, требуется вдумчивый, последовательный и эффективный подход. Мировая практика не демонстрирует тех результатов, на которые стоило бы полагаться или опираться: в странах с легализованной эвтаназией нет четкой формулировки этой дефиниции; нет критериев, по которым то или иное действие с целью умерщвления себя в силу медицинских показателей можно расценивать как эвтаназию; часто не определен круг лиц, которыми она может быть совершена.

Рассмотрев некоторые из видов соматических прав, которые, на наш взгляд, являются актуальными для России, можно прийти к выводу, что нормативное закрепление личностных прав в Российской Федерации не лишено смысла. Неоднозначность отношения к ним ярко демонстрируется на примере права на смену пола, которое практически не регулировано ни в одном из аспектов.

Заключение

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, можно прийти к определенным выводам и констатировать некоторые предложения. Для того, чтобы в Российской Федерации у граждан была возможность эффективно реализовывать соматические права, необходимо следующее:

Во-первых, законодательно закрепить дефиницию соматических (личностных) прав в целях предотвращения отождествления их с личными правами человека и гражданина. Включение соматических прав в личные, как пишут отдельные ученые, представляется неверным, так как они выходят за рамки личных и распространяются на правомочия в отношении тела в том числе после его физической смерти. В качестве варианта такого определения предлагается использовать следующее: «Соматические права – это возможность определённого поведения индивида (личности), которая признаётся за ним (ней) обществом и государством и выражается в свободном распоряжении собственным телом согласно его (её) желанию и выбору». Единое понимание их в контексте российского законодательства создаст юридически правильную почву для дальнейшего решения вопроса по развитию системы законодательных актов, касающихся соматических (личностных) прав.

Во-вторых, стоит признать, что большое количество аборт в России совершается не по социальному или медицинскому показателю, а по самостоятельному желанию женщины. В 2020 году в России зафиксировано 553 тыс. случаев прерывания беременности. Данные Росстата за 2021 год разнятся: исследователи и врачи называют примерную цифру от 430 до 450 тыс. абортов. Причиной этому прежде всего выступает низкий уровень жиз-

ни населения. Так, в Тыве и Еврейской автономной области, где за чертой бедности находятся более 22 % людей, на 1000 женщин приходилось 14 операций по искусственному прерыванию беременности. В Магаданской области и Забайкальском крае – 13 аборт на 1000 женщин. Обратную статистику показывают более консервативные в плане традиций и религиозные субъекты Российской Федерации: в Ингушетии и Дагестане среди 1000 женщин только 3 решались на аборт, – а также регионы с более высоким уровнем доходов населения: Белгородская, Московская области, Приморский край и другие.

Отсюда, а также из ранее выдвинутых в работе тезисов, следует, что запрет аборт по ОМС – это не решение, ведь фундаментом служат более глубокие социальные проблемы населения. Отсутствие рабочих мест, низкий уровень доходов, плохие бытовые условия, отсутствие качественного медицинского обслуживания в населенных пунктах регионов, нестабильность экономики, низкий уровень работы социальных программ для населения, отсутствие «сексуального» образования для подростков «возраста согласия», целью которого могло бы быть разъяснение общей физиологии мужчин и женщин и рассмотрение способов предохранения при совершении полового акта, – всё это выступает той базовой первопричиной, по которой аборты по-прежнему «популярны» среди женского населения. Плодотворная работа государственных органов, органов власти субъектов и их должностных лиц по разработке, внедрению и реализации социальных и образовательных программ, направленных на улучшение благосостояния населения и получение необходимой информации, связанной с половым взрослением, считаем, вполне могло бы способствовать снижению количества аборт.

В-третьих, на наш взгляд, важен качественный диалог с пациентами и медицинскими работниками по поводу их отношения к легализации эвтанази. Статистика опросов год за годом демонстрирует, что как население, так и врачи все чаще говорят о теоретической возможности этого, ведь по своей сути эвтаназия не может полноценно рассматриваться как убийство и более того – признается международной практикой как акт милосердия и гуманизма. Профессиональная точка зрения медицинских работников и «живая», эмоционально-субъективная точка зрения неизлечимо больных пациентов помогла бы в лучшей степени определить перспективы легализации эвтаназии и более точно определить ее условия, компоненты.

Нельзя не заметить, что даже с учетом запрета эвтаназии на территории России, уголовного ее преследования в уголовном законодательстве не содержится отдельного состава, который бы содержал ее признаки, субъектов и санкции за совершение этого деяния, что, опять же, мыслится совершенно неправильным, так как влечет излишнюю свободу трактования этого деяния судами. Важно напомнить, что в России судебный прецедент не является источником права, и, следовательно, в каждом отдельном случае суд волен самостоятельно определять судьбу обвиняемых по делам об эвтаназии. Это порождает недоверие к справедливости судебных решений.

Отечественные юристы, поддерживающие легализацию эвтаназии, выступают за разработку Федерального закона «Об эвтаназии», в котором бы были отражены следующие важные моменты: понятие эвтаназии; условия эвтаназии; субъекты, правомочные решать вопрос об эвтаназии, т. е. соответствия состояния здоровья пациента условиям эвтаназии, и содействовать пациенту в его добровольном уходе из жизни при получении им разрешения; гарантии для субъектов; средства эвтаназии; ответственность за неправомерную эвтаназию.

Таким образом, считаем, что данные предложения являются весьма рациональными, особенно исходя из того, что соматические права являются быстроразвивающейся, подвижной категорией и их урегулирования не может отлагаться «на перспективу».

Практическая значимость работы раскрывается в том, что выводы и предложения, полученные и сформулированные в результате исследования проблематики темы, могут быть применены законодателем с целью ликвидации пробелов в праве и решения проблемы нормативного закрепления отдельных видов соматических прав.

Список литературы

- Ананских И.А., Чернова О.Ю. 2013. Соматические права в системе прав человека. Юридическая наука: история и современность, 12: 11–17.
- Бабаджанов И.Х. Сальников В.П. 2016. Клонирование человека: теория правового регулирования. Мир политики и социологии, 9: 173–182.
- Вольнец А.А. 2018. Правовые аспекты эвтаназии. Медицинское право: теория и практика, 2(8): 156–160.
- Генс А. Б. 1929. Проблема аборта в СССР. Госмедиздат, 90 с.
- Девятковская К.В. 2018. Соматические права как новое поколение прав человека. Вестник Полоцкого государственного университета, 13: 180–188.
- Деркач Н.Г., Луковская Д.И. 2019. Соматические права в системе прав человека. Юридическая наука: история и современность, 1: 30–36.
- Зоиров Д.М., Щендригин Е.Н. 2013. Смертная казнь и право на жизнь: юридическая теория и правоприменительная практика. Юридическая наука: история и современность, 10: 158–162.
- Ильченко К.В. 2016. Право собственности на тело в контексте соматических прав человека. Новая наука: опыт, традиции, инновации: 10(2): 174–176.
- Калайганова Н.А. 2017. Смена пола. Повторный процесс социализации трансгендеров. Проблемы и перспективы развития гуманитарных и социально-экономических наук, ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 154 с.
- Ковлер А.И. 2002. Антропология права. НОРМА, 480 с.
- Крусс В.И. 2000. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы. Государство и право, 10: 43–50.
- Лаврик М.А. 2005. К теории соматических прав человека. Сибирский юридический вестник, 3: 24–25.
- Лосяков А.В. 2019. Правовое регулирование смены (изменения) пола в Российской Федерации и в мировой практике. Вестник Международного юридического института, 2(69): 140–148.
- Нестерова Е.М. 2014. Личностные (соматические) права в системе прав человека. дис. ... канд. юрид. наук, 197 с.
- Олейник Н.Н., Олейник А.Н. 2015. Историческое развитие поколений «Прав человека». Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, 14(211): 120–128.
- Познер Р.А. 2004. Экономический анализ права. СПб., 524 с.
- Порывакина Т.С. 2021. Соматические права, как новое поколение прав человека. Скиф. Вопросы студенческой науки, 5(57): 417–420.
- Риффель А.В., Рачин А.П. 2019. Современные проблемы законодательного регулирования медицинской деятельности в Российской Федерации. М., ГЕОТАР-Медиа, 192 с.
- Романовский Г. Б. 2003. Гносеология права на жизнь. СПб., 370 с.
- Урланис Б.Ц. 1963. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. Москва, Госстатиздат, 136 с.

References

- Ananskih I.A., Chernova O.Yu. 2013. Somaticheskie prava v sisteme prav cheloveka [Ananskih I.A., Chernova O.Yu. 2013. Somaticheskie prava v sisteme prav cheloveka]. *Juridicheskaja nauka: istorija i sovremennost'*, 12: 11–17.
- Babadzhanov I.H. Sal'nikov V.P. 2016. Klonirovanie cheloveka: teorija pravovogo regulirovanija [Klonirovanie cheloveka: teoriya pravovogo regulirovaniya]. *Mir politiki i sociologii*, 9: 173–182.
- Volynec A.A. 2018. Pravovye aspekty jevtanazii [Pravovye aspekty evtanazii]. *Medicinskoe pravo: teorija i praktika*, 2(8): 156–160.
- Gens A. B. 1929. Problema aborta v SSSR [Problema aborta v SSSR]. Gosmedizdat, 90 p.
- Devjatovskaja K.V. 2018. Somaticheskie prava kak novoe pokolenie prav cheloveka [omaticheskie prava kak novoe pokolenie prav cheloveka]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta*, 13: 180–188.
- Derkach N.G., Lukovskaja D.I. 2019. Somaticheskie prava v sisteme prav cheloveka [Somaticheskie prava v sisteme prav cheloveka]. *Juridicheskaja nauka: istorija i sovremennost'*, 1: 30–36.
- Zoirov D.M., Shhendrigin E.N. 2013. Smertnaja kazn' i pravo na zhizn': juridicheskaja teorija i pravoprimeritel'naja praktika [Smertnaya kazn' i pravo na zhizn': yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika]. *Juridicheskaja nauka: istorija i sovremennost'*, 10: 158–162.

- Pl'chenko K.V. 2016. Pravo sobstvennosti na telo v kontekste somaticeskikh prav cheloveka [Pravo sobstvennosti na telo v kontekste somaticeskikh prav cheloveka]. *Novaja nauka: opyt, tradicii, innovacii*, 10(2): 174–176.
- Kalajtanova N.A. 2017. Smena pola. Povtornyj process socializacii transgenderov. Problemy i perspektivy razvitiya gumanitarnyh i social'no-jekonomicheskikh nauk [Smena pola. Povtornyj process socializacii transgenderov. Problemy i perspektivy razvitiya gumanitarnyh i social'no-jekonomicheskikh nauk], ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 154 p.
- Kovler A.I. 2002. Antropologija prava [Antropologiya prava]. NORMA, 480 p.
- Kruss V.I. 2000. Lichnostnye («somaticeskije») prava cheloveka v konstitucionnom i filosofsko-pravovom izmerenii: k postanovke problem [Lichnostnye («somaticeskije») prava cheloveka v konstitucionnom i filosofsko-pravovom izmerenii: k postanovke problemy]. *Gosudarstvo i pravo*, 10: 43–50.
- Lavrik M.A. 2005. K teorii somaticeskikh prav cheloveka [K teorii somaticeskikh prav cheloveka]. *Sibirskij juridicheskij vestnik*, 3: 24–25.
- Losjakov A.V. 2019. Pravovoe regulirovanie smeny (izmeneniya) pola v Rossijskoj Federacii i v mirovoj praktike [Pravovoe regulirovanie smeny (izmeneniya) pola v Rossijskoj Federacii i v mirovoj praktike]. *Vestnik Mezhdunarodnogo juridicheskogo instituta*, 2(69): 140–148.
- Nesterova E.M. 2014. Lichnostnye (somaticeskije) prava v sisteme prav cheloveka. [Lichnostnye (somaticeskije) prava v sisteme prav cheloveka]. Dis. ... cand. jurid. sciences'. 197 p. (in Russian)
- Olejnik N.N., Olejnik A.N. 2015. Istoricheskoe razvitie pokolenij «Prav cheloveka» [Istoricheskoe razvitie pokolenij «Prav cheloveka»]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo*, 14(211): 120–128.
- Pozner R.A. 2004. Jekonomicheskij analiz prava [Jekonomicheskij analiz prava]. SPb., 524 p. (in Russian)
- Poryvakina T.S. 2021. Somaticeskije prava, kak novoe pokolenie prav cheloveka [Somaticeskije prava, kak novoe pokolenie prav cheloveka]. *Skif. Voprosy studencheskoj nauki*, 5(57): 417–420.
- Riffel' A.V., Rachin A.P. 2019. Sovremennye problemy zakonodatel'nogo regulirovanija medicinskoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii [Sovremennye problemy zakonodatel'nogo regulirovanija medicinskoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii]. M., GEOTAR-Media, 192 p.
- Romanovskij G. B. 2003. Gnoseologija prava na zhizn' [Gnoseologiya prava na zhizn']. SPb., 370 p.
- Uralis B.C. 1963. Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR [Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR]. M., Gosstatizdat, 136 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 01.09.2022.

Поступила после рецензирования 25.09.2022.

Принята к публикации 10.10.2022.

Received September 1, 2022.

Revised September 25, 2022.

Accepted October 10, 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Масуфранова Елена Александровна, доцент кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия.

Elena A. Masufranova, Candidate of historical Sciences, Associate Professor, department of constitutional law, Southwest State University, Kursk, Russia.

Кораблёва Анастасия Андреевна, студентка юридического факультета, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия.

Anastasia A. Korableva, student of the Faculty of Law, Southern State University, Kursk, Russia.